

**БЫЛ ЛИ «ЧЕЛОВЕК, ПРИВЫКШИЙ С МАЛОЛЕТСТВА
К РАБОТАМ НА ЗАВОДЕ» ПАХАРЕМ?
(О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАНЯТИЯХ ГОРНОЗАВОДСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ДЕРЕВОЛЮЦИОННОГО УРАЛА)**

В названии статьи использована фраза губернатора Вятской губернии о рабочих Ижевского завода. В 1885 г. он сказал: «... Из человека, привыкшего с малолетства к работам на заводе, сделать пахаря трудно, если не вполне невозможно». С высказыванием администратора было согласно и народное творчество. В сборнике А.А. Мисюрева, посвященном фольклору алтайских горнорабочих, опубликована «быль» такого содержания: «обязательные мастеровые» хлеба не сеяли и когда один из них увидел «полоски хлеба», то обратился к окружающим со словами: “Вот, молодчики, как красиво трава растет!”»¹.

На Урале «свидетельств» столь полного размежевания сельскохозяйственного и промышленного труда не зафиксировано. И далее мы попытаемся показать, что это не «пробел» местных собирателей фольклора, а закономерное положение дел, поскольку от работы на земле горнозаводскому населению края полностью «отвыкнуть» не удалось. Земледелие получило здесь широкое распространение.

По данным 1719 г., жители Каменных заводов засеивали столько же сколько крестьяне Каменной слободы. Среди тех и других преобладали дворы, возделывавшие половину десятины, второе место занимали хозяйства засевавшие десятину, третье — одну четвертую ее часть². Подобная практика продолжилась при промышленном освоении Южного Урала. Жители деревни Ераль около Симского завода, по наблюдениям путешествовавшего в 1770 г. П.С. Паласа, «употреблялись для рубки дров и жжения угля, но сверх того упражнялись они в хлебопашестве, а особливо разводили много льну и пеньки, которые в здешнем, почти неисчерпаемо тучном черноземе, росли весьма высоко». «Всякая пашня, — отмечал ученый, — родит здесь очень хорошо». Только пшеница, по словам местных жителей, «по причине окрестных холодных гор», вызревала «не всякий год». Хлебопашество «не оставляло» также население деревни Орловки в окрестностях Юрюзанского завода. Во время «замешательства» Пугачева Катав-Ивановская контора рапортовала, что «при Симском, Устье-Катавском, Юрюзанском и при здешнем Катавском заводах, в дерев-

нях Орловке, Ярале, Карауловке имеется посеянного ржаного хлеба около полуторы тысячи десятин, и если тот хлеб Господь совершит и снимет с поля, то полагается примерно быть не менее полутора ста тысяч пудов». Кроме мастеров и молотовых рабочих, почти все жители Усть-Катавского завода в 1797 г. «имели у себя самими сеянный хлеб», получая для этого господские семена. Среди них было «довольное число» таких, которые имели «пуд до ста»³.

Однако земельный фонд даже на Южном Урале распределялся весьма неравномерно. Жители Каслинского, Белорецкого, Верхоторского, Воскресенского, Миасского заводов имели земли «довольно». У населения Юрюзень-Ивановского, Верхне- и Нижнекыштымских, Узянского, Богоявленского, Катав-Ивановского, Благовещенского пашенных угодий было мало. А на Златоустовском, Саткинском, Кагинском, Верхнем и Нижнем Авзянопетровских заводах они отсутствовали вообще⁴. На территории последнего «никаких угодий не состояло» по причине гористой местности. В других районах края горнозаводское население также могло испытывать «земельный голод». Мастерские Ягошихинского и Мотовилихинского заводов графа М.Л. Воронцова в наказе Уложенной комиссии жаловались на недостаток даже усадебной земли⁵.

Сведения П.Е. Томилова начала XIX в. дают информацию о распространении земледелия и позволяют наметить районы его бытования. Первый из них включал Алапаевские заводы Яковлева: Нижне- и Верхнеалапаевский, Нижне- и Верхнесусанский, Режевской, Ирбитский; второй — предприятия вблизи Екатеринбурга: казенный Каменский, Сысертский и Полевской заводы Турчаниновых, Екатеринбургский монетный двор. Следующий район располагался на Западном Урале и, кроме казенных Юговских, Мотовилихинского и Пысковского заводов, в основном включал в себя частные — Лысьвенский, Пожевской, Чермозский, Добрянский, Полазнинский. Остальные тяготели к Южному Уралу — Юрюзень-Ивановский, Катав-Ивановский, Белорецкий, Верхоторский, Иргинский, Уинский, Ашапский, Златоустовский. Кроме них, земледелием занимались жители Кушвинского и Верхнетуринского заводов на Севере Урала и Верх-Нейвинского завода Яковлевых. Расчеты по данным берг-инспектора показывают, что в 39% обследованных им заводов выращивали пшеницу, в 36% заводов — ячмень, в 32% — рожь и овес и только в 9% — ярицу. Жители 23% заводов сеяли лен, а 16% — коноплю⁶.

По проекту штатов 1817 г., владельцы Белорецкого завода вменили жителям в «непременную обязанность», засеивать «кто сколько

сможет, но не менее десятины пашни», хотя и освобождали их на это время от заводских работ. Обработка пашни заводоуправления для «запасных магазинов» не входила в круг обязанностей подвластного ему населения, хотя «женщины и взрослые девки занимались жнитвом и уборкой на гумно» хлеба⁷. Аналогично («при помощи своих домашних женок и девок») или с помощью найма собирали урожай жители соседнего Катав-Ивановского завода. Его земли «в рассуждении гористых и каменистых мест против Белорецкого завода добро-тою быть» не могли. Здесь преимущественно пахали по старым лесосекам, мелкой поросли, на которых хлеб ржаной родился «посредственным». Распаханные и «залежалые не более по одному году озимого и двух яровых» поля потом опять запускали в залежь. Поэтому владельцы «не постановляли» населению «в обязанность... сколько каждому посеять десятин пропорции», но развивали практику выдачи посевного материала: «Каждогодно выдается из заводских магазинов для посева озимого и ярового хлеба на полный урок сотенному /судовому /работнику/ ржаного 18, ярового 16, полусотенному /работнику/ ржаного и ярового по 16, а вселетнему /работнику/ ржаного и ярового по 8 пуд»⁸.

Даже на заводах Южного Урала успехам земледелия мешал климат. Путешествуя в 1828 г. по краю, А. Купфер писал: «В Златоусте, где средняя температура воздуха лишь на один градус превышает отметку ноль на шкале термометра, весна приходит так поздно, что зерно не вызревает к концу июля, и жатва здесь проводится позже»⁹.

В первой половине XIX в. предпринимались попытки к распространению земледелия на север Урала, прежде всего в Гороблагодатский округ. Проезжая в 1828 г. через Кушвинский завод, А. Купфер отмечал: «... И здесь еще выращивают зерно, но немного, поскольку лето в этих местах очень короткое и осенние ночи холодные»¹⁰. Почва здесь местами была «тундроватая», прорезанная логами и оврагами. Болота, а по мнению современников, «совершенные топи», которые невозможно было обрабатывать, достигали «значительной обширности». К тому же «здешние жители» были «вовсе лишены прелестей весны». «Судя по климату и почве, — заключали наблюдатели, — невозможно ожидать, чтоб хлебопашество здесь было на степени совершенства. Хлеба родится весьма мало; большей частью сеется овес и ячмень, но в некоторых только местах»¹¹.

В 1820-е гг. запашку имела одна пятая часть хозяйств Верхнетуринского завода Гороблагодатского округа. Ситуация в деревнях, населенных непременно работниками, была прямо противоположен-

ной — там доля земледельцев превышала 84%. Набор и удельный вес культур, выращиваемых населением завода и деревень был различным. Заводчане отдавали предпочтение овсу, в малых количествах выращивая рожь, ярицу, пшеницу, ячмень. Все внимание сельских жителей было сосредоточено на ячмене (северном хлебе) и овсе. Посадки ржи у них были крайне незначительны, такими культурами как ярица и пшеница они совершенно не занимались.

Несмотря на то, что процент занятых земледелием хозяйств в заводе был невелик, они высевали в среднем на 10 пудов зерна больше, чем в деревне. Вероятно потому, что жители деревни не возделывали ярицу и пшеницу; они высевали больше ржи: 3,23 пуда на двор в отличие от завода, в котором данный показатель составлял 1,36 пуда. Заводчане сеяли почти столько же пшеницы (1,35 пуда) и 2,36 пуда ярицы. Посев ячменя у тех и других был примерно одинаков. Но по количеству посеянного овса деревня почти в полтора раза уступала заводу¹².

В 1830-е гг. земледелие в Гороблагодатских заводах оставалось «не обширно»: овса, ячменя и ржи засевали здесь до 800 десятин, употребляя на посев «до 8000 пуд с лишком» семян и получая урожай до 47000 пудов, то есть чуть более сам-5. В окрестностях Илимской пристани в 1830-е гг. на 120 десятинах высевали 200 пудов ржи, ячменю и овса, а снимали 692 пуда, в селениях Серебрянского завода на 5,5 десятинах засевали 98,5 пудов тех же культур, а снимали 305 пудов, следовательно, урожайность несколько превышала сам-3. В сравнении с пахотными участками прочих Гороблагодатских заводов размеры посевов жителей этого завода были «очень незначительны», поскольку на западной стороне Уральского хребта земледелие было развито в меньшей степени, чем на восточной¹³.

Жители заводов Западного Урала — Чермозского, Полазнинского, Хохловского — довольствовались такими видами почв: белик, глинистая, песчаная. Они считали их «способными» давать «посредственный» урожай хлеба¹⁴. Качество земли в окрестностях Добрянского завода оставляло желать лучшего, но возделываемые участки оказались обширными: на душу здесь приходилось 4,5 десятины пашни и 6,5 десятины покоса¹⁵.

«Плодородная почва и избыток земли, которой приходится от 4 до 8 десятин на каждую ревизскую душу, — писал в 1855 г. о Камско-Воткинском округе М. Блинов, — при правильном хозяйстве могло бы дать немаловажное значение хлебопашеству округа; но ожидания эти не оправдываются на деле: жизнь большей части наро-

да здешнего края обращена на деятельность совершенно другого рода, — деятельность фабричную; хлебопашество остается в удел немногим»¹⁶. В Лысенском заводе также «хлебопашеством занимались немногие, сея рожь, пшеницу, овес, ячмень, лен, картофель»¹⁷.

По данным середины XIX в., в Суксунском округе хлеб выращивали жители Бымовского, Ашапского, Шаквинского заводов, которые «на домашнюю только потребность» сеяли «озимовую» рожь, из яровых — ячмень, овес, пшеницу, гречу, просо, горох¹⁸. Три десятых «пространства дачи» Ашапского завода было занято пашней. Почва — «супесок со значительным слоем чернозема» давал хорошие урожаи¹⁹. Несмотря на суровость климата земледелие в Нижнетагильском округе находилось в «весьма удовлетворительном состоянии»²⁰.

Среди горнозаводского населения встречались примеры и более успешного хозяйствования на земле. «Окрестности завода хлебородны; — писал о Каслинском заводе Н.К. Чупин, — много лугов. Жители большей частью довольно зажиточны. Иные из них имеют так называемые заимки (хутора) на землях заводских, где содержат значительное количество рогатого скота и обширные пашни»²¹.

Пашенные угодья имелись на территории не всех заводов Урала. В Верх-Исетском, Шайтанском, Ревдинском, Бисерском округах, по отчетам местной администрации, земледелием не занимались вообще²². Согласно Н.К. Чупину, жители Бисертского завода хлебопашество все же имели, хотя и он считал, что из-за каменистой и «малодобной для земледелия» почвы и по климатическим условиям урожаи не могли «составлять полного обеспечения заводского населения»²³. Зерновые возделывал далеко не каждый горнозаводской житель. Тем более, что самообеспечение отдельных хозяйств хлебом не решало эту проблему в рамках как всего горнозаводского района, так и отдельных округов. Даже в благоприятной климатической зоне Южного Урала потребности рабочих в хлебе за счет собственной пашни удовлетворялись в Кыштымском на 77%, в Симском всего на 25%. Лучше дела обстояли в Оренбургской губернии. Если в начале XIX в. хлебопашество здесь имело на 14 из 27 действовавших заводов, то перед реформой уже на 25²⁴.

Описывая в начале 1840-х гг. Симский и Миньярский заводы, поручик Мевинус отмечал, что «в некоторых селениях крестьяне занимаются хлебопашеством с довольным успехом»²⁵. В среднем у населения южноуральских заводов приходилось по 4,35 десятины земли на душу. По данным Н.В. Ремезова, это пространство «действительно... эксплуатировалось» и состояло из усадьбы, выгона, пашни и

покосов. В хозяйствах горнозаводских жителей Уфимского уезда доля земледелия постепенно увеличивалась «по мере уклонения на запад к реке Белой». Предприятия Мензелинского, Стерлитамакского и Белебеевского уездов были расположены уже в чисто земледельческой местности.

В ходе реформы 1861 г. произошло изменение условий землепользования населения. У заводских жителей Оренбуржья было «отнято» земли стоимостью на 10 миллионов рублей. «И это при обилии горнозаводских земель в губернии, владеющими 2 миллионами десятин», — восклицал Н.В. Ремезов²⁶.

В начале 1870-х гг. по подсчетам Р. Попова выходило, что «приблизительно 10000 душ, не имеющих надела и 56794 души на заводах частных и 23712 души на заводах казенных, получивших надел менее одной десятины на душу, совершенно не обеспечены землей; затем 22381 душа на заводах частных и 15533 души на заводах казенных, получивших надел от одной до полуторых десятин (исключительно покосных земель), обеспечены настолько, что могут содержать одну, иногда две коровы; 24261 душа на заводах частных и 3219 душ на заводах казенных, получившие надел от двух до трех десятин, обеспечены настолько, что могут иметь корову и лошадь, иногда и больше и вести небольшое хозяйство; наконец, только 9620 душ на заводах частных и 2213 душ на заводах казенных, получившие надел более четырех десятин, могут считаться обеспеченными настолько, что не поставлены в прямую зависимость отыскивать пропитание помимо земледелия»²⁷.

Доступ к главному средству сельскохозяйственного производства — земле, по мнению Р. Попова, стал основой градации горнозаводского населения. «Часть бывшего крепостного горнозаводского населения, — отмечал он, — занята, как и прежде, чисто горнозаводским трудом; другая часть, более значительная, прибегая к нему иногда, обратилась или к ремесленному или к земледельческому труду; наконец, третья часть превратилась в чисто земледельческое население. Конечно, эти группы не успели еще настолько сложиться, чтобы представлять собой нечто обособленное; горнозаводской труд все еще привлекает всего больше населения, и при малейшей возможности к нему рабочие составляют и ремесла, и земледелие. Но все-таки эти группы настолько рельефно выделяются, что условия существования лиц, входящих в состав каждой из этих групп, существенно рознятся между собой»²⁸.

«Попытки самого населения устроить лучшим образом свою судьбу путем выселений (что также дозволялось), — продолжал рассуж-

дать данный автор, — редко удавались, и многие из выселившихся, будучи совершенно неподготовленными к сельскохозяйственному труду, должны были возвратиться в прежние места жительства»²⁹. Например, так случилось с ижевскими оружейниками, которым «дарованы были права сельских обывателей и предоставлена свобода... буде найдут это для себя выгодным... переселяться на отведенные им земельные участки и начать новую карьеру хлебопашцев». «Многие искусные мастера, соскучившись ожидать возобновления работ, — писал И. Андржеевский, — за бесценок продали свои усадьбы в заводе и отправились хлебопашествовать. Но непривычное дело не спорилось в руках, и большая часть их возвратилась назад бобылями»³⁰. Встречались и обратные примеры. В апреле 1867 г. выходцами из Юрюзанского завода начала заселяться деревня Фролова, а из Васильевско-Шайтанского — деревня Деткова в округе с. Долговского Челябинского уезда. Заводские крестьяне Пермской губернии в 1872 г. основали здесь деревню Новоспасскую³¹.

Иногда, как правило, в связи с остановкой производства горнозаводское население становилось сельскохозяйственным поневоле. «Заводы прекратили кричные работы, — сообщал о Красноуфимском уезде А.Н. Гладких, — и население их, хотя и не все поголовно, взялось «за рогаль», то есть за соху». «Ранее «заводщина» понятия, конечно, не имела о пашне-посеве», — продолжал он. Совершенно отвыкшее от сельскохозяйственного труда население пошло в ученики к «кореным хлеборобам-крестьянам»³².

Опасность «увлечения» горнозаводского крестьянина сельским хозяйством прошла. «Несколько пореформенных лет наглядно показали, — писал Н.Н. Овсянников, — что земледелие не может быть более, как говорили прежде, соблазном для чернорабочего люда, с жаром бросающегося на него, получив в 1861 г. освобождение от крепостной зависимости»³³. Горнозаводское население продолжало считать: «Мы искони заводские. Какое же у нас хозяйство?». Посетив в начале 1870-х гг. Урал, В.И. Немирович-Данченко привел несколько наглядных примеров подобной «бесхозяйственности»: «Из 2000 жителей Александровского завода, например, если душ 15 занимаются хлебопашеством, так и то хорошо. Высевают ячменя от 40 до 50 пуд и в большой урожай собирают пудов 200-250». По его наблюдениям, хлебопашество было «ничтожно» вблизи Нижнетагильских заводов: «Сеют самое незначительное количество ржи, ячменя и овса, причем хорошие урожаи неизвестны, а недород повторяется чуть ли не каждые три года»³⁴. В Суксунском округе при «весьма

плодородной» почве и благоприятном климате земледелием если и занимались, то «с замечательной небрежностью и удивительной беспечностью», больше полагаясь в прокормлении себя на заводские работы³⁵.

В 1885 г. в Мотовилихинском заводе было посеяно 185 четвертей ржи, 345 овса, 245 ячменя, а снято 1108 четвертей ржи, 2415 овса, 1225 ячменя. «Сельское хозяйство действительно существует в размерах очень ограниченных». — резюмировал эти цифры Р. Рума. На двор здесь приходилось в среднем 2,2 десятины земли. «Количество слишком ничтожное, — полагал данный автор, — чтобы заниматься земледелием»³⁶.

По данным 1885-1887 гг. в Екатеринбургском уезде 88,9% заводских семей порвали с земледелием, 47,3% имели только покос, 40,1% были полностью безземельными. В 1891 г. не обрабатывали землю 71,7% рабочих Красноуфимского уезда. На Сергинских и Атигском заводах земледелием почти не занимались, еще на шести заводах им было занято 25,3-42,6% рабочих, на Шайтанском — 56, Молебском — 58,7, Артинском — 73,5, Шемахинском — 81,1%³⁷. Пахотной земли, а, следовательно, и земледелия не было также в Дедюхинском и Камбарском заводах³⁸.

Как правило, горнозаводское население продолжало сочетать промышленный труд с сельскохозяйственными занятиями. «Все заводские, — сообщал о жителях Коршуновской угольной копи В.И.Немирович-Данченко, — обыкновенно имеют покосы или нивы и, занимаясь зимой, осенью и весной плавкой и рытьем металлов и угля, летом работают в лугах и полях». «Хлеб здесь чудесно поднимается. — описывал он местные условия. — Золы много, почва не истощена. Леса тоже сырость держат, благодаря им, засухи не бывает вовсе». «Для подспорья при заводских работах» ячмень, овес и «совсем мало» ржи сеяли в Губахинских угольных коях. Поля тут были «окаймлены лесами, защищавшими их от непогод» и «хлеб родился ничего»: «своего хватало до Масляной». На пути Немировича-Данченко встречались примеры успешного ведения сельского хозяйства горнозаводскими жителями. «Запашки здесь большие, — писал он, «обозревая» Невьянские заводы, — от Невьянска до Петрокаменска на десять верст идут сплошные посеы ржи, овса, ячменя и немного льна»³⁹.

В пореформенный период земледелие проникло на самые северные — Богословские — заводы Урала. В ответах на анкету РГО в конце 1840-х гг. отсюда сообщали, что «хлебопашества не имеет-ся»⁴⁰. В 1855 г. М. Блинов также отмечал: «...Ни одно поле не пора-

дует взора». Он же рассказал о бесплодной попытке распространения земледелия в округе: «В юго-восточной части Верхотурского уезда в деревнях Бессоновой, Мелехиной и других по рекам Сосьве и Лозьве можно встретить еще пашни, но все труды крестьян редко приносят им достаточно хлеба даже для собственного продовольствия. Заводское начальство давало жителям зерно для посевов, но они не в состоянии были возвращать даже семян, а потому с 1820 г. выдача зерна прекращена». «Каменистая, частью глинистая и известковатая почва, — объяснял причины неудачи М. Белов, — требует огромнейших трудов для удобрения, а быстрые перемены погоды убивают растения: хлеб не успевает созреть здесь»⁴¹.

В пореформенные годы площадь сельскохозяйственных угодий на заводах северного Урала возросла. В окрестностях Туринского рудника Гороблагодатского округа жители «своими трудами из-под кустарного леса» расчистили 203 десятины пашни и 680 десятин покосов⁴². А в Богословских заводах появились засеянные рожью поля. Во время своего путешествия к манси в начале 1870-х гг. в «округе Богословского завода» их видел Н. Малиев⁴³. Однако развития в Богословской волости хлебопашество не получило. Почва здесь была «камениста, болотиста» и представляла из себя глину, песок, торф, мхи с тонким слоем чернозема». Пасмурная погода, «частые северные ветры увеличивали жестокость и без того сильного холода». Снег часто не сходил до половины мая и ложился в половине сентября. В короткое северное лето яровые сеяли в мае, озимые — в июле, урожай собирали в августе⁴⁴. Даже жители расположенного южнее Нижнетуринского завода в прошении 1890 г. писали: «Хотя многие из нас имеют пашни и покосы, но земля здесь не обеспечивает наших трудов, и наши сельские работы служат нам только помощью к поддержанию нашего домашнего хозяйства, но не дают возможности даже иметь необходимое пропитание сколько-нибудь продолжительное время»⁴⁵.

Более чем двухсотлетнее существование земледелия в условиях горнозаводского Урала видоизменило, но не отменило связанные с ним традиции. Заводчане продолжали бережно относиться к земле-кормилице. Агроном Н.Л. Скалозубов описывал «совершенно крестьянское» празднование Духова дня, считавшегося в народном календаре именинами земли, в Шайтанском заводе: «никакие земледельческие орудия не употребляются в дело»⁴⁶.

Известный собиратель уральского фольклора А. Лазарев справедливо отмечал, что крестьянам-землепашцам «для благополучия тре-

бывался хороший урожай, зависящий от атмосферных и «наземных» условий, на которые они и обращали свое внимание, а горный рабочий-уралец проявлял интерес к устройству «подземных кладовых»⁴⁷. Однако это был рабочий с наделом, который подметил немало «природно-климатических» примет. Собрание таких примет от жителя Чермозского завода Эльпидора Кетова хранится в архиве Уральского общества любителей естествознания. В основном они были посвящены будущему урожаю: «Если весной на полях хвощ или пистики и земляные орехи крупные, то будет урожай»; «В ноябре коли лед на реках становится горами, будет и хлеба груды». Существовали приметы, предвещающие хороший урожай отдельных сельскохозяйственных культур: «Если при таянии снега с крыш сосульки будут длинными, то будет урожай длинного льну», «Если цвет вербы и елки крупен, то рожь будет крупна зерном». В приметах объяснялось также, почему может быть плохой урожай ржи: «Если около Рождества погода стоит ветренная и снежная, то летом около цветения ржи будет ветер и дождь, а потому семя ржи будет редкое». По приметам ориентировались и в сроках посева. Считалось, что «если весной мураши высоко поднимаются по воткнутой палке в муравиную кучу, то посев, сделанный в это время, будет лучше, и наоборот»⁴⁸.

Земледельческие занятия горнозаводского населения со временем обзавелись рядом характерных черт. Особенно зримо проявлялась их ориентация на развитие животноводства. Обследование в начале XIX в. берг-инспектором П.Е. Томиловым большей части (76) заводов Урала показало, что 66% из них имели покосы, 63% выгоны и только 47% пашни⁴⁹. Подобная отраслевая структура сложилась уже в начальный период существования горнозаводских предприятий. По данным А.С. Черкасовой, в 1721 г. у 80% жителей Алапаевских заводов также имелись пахотные угодья, однако животноводство в их хозяйстве занимало «несравненно более значительное место»⁵⁰. У населения Нижнетагильского завода, особенно занятого углежжением, эта отрасль в середине XVIII в. приобрела специализированный характер. Объемы поставок сена заводчику (от 15 до 90 копен в год) позволяют предположить, что занимались этим люди, имеющие значительные земельные владения и достаточное количество рабочего скота⁵¹.

По расчетам П.А. Вагиной, в последней четверти XVIII в. абсолютное большинство рабочих имело 1-2 лошади и столько же коров, посеvy же их были невелики (самое большее — до трех десятин) и часто использовались как «подспорье в содержании скота»⁵². У жите-

лей Южного Урала скота в среднем на двор приходилось больше: от 4 до 2 коров и от 1 до 8 лошадей, и размеры пашни там были значительно больше — 3-4 десятины на двор⁵³. «Скота имеют довольно большое число, — сообщалось в 1797 г. о жителях Усть-Катавского завода, — так что у многих по десяти и более лошадей, есть также коров, мелкого скота, да и те, которые представляют себя неимущими, по четыре и по три, и по две, таже коров, а некоторые и мелкого скота имеют, в чем и сами они признаются». В начале XIX в. у населения завода и «принадлежащих к нему деревнях» урожай насчитывал от 22000 до 27000 пудов, а овса (фуражного) и ячменя гораздо больше — от 32000 до 40000 пудов. Ориентация на развитие животноводства проявлялась и в соотношении угодий: на 7480 десятин сенокосов приходилось только 5180 десятин пашни⁵⁴.

В 1820-е гг. предпринимались усилия по развитию животноводства у населения северных заводов Урала. По данным 1823 г., 28 жителей Верхнетуринского завода за содержание более четырех овец или баранов были поощрены на общую сумму 64 рублей 60 копеек⁵⁵. Рост числа хозяйств, занимающихся овцеводством на заводе происходил быстрее, чем в его деревенской округе и составил за 1823-1826 г. 56,6% против 14,11%. Непременные работники в деревнях имели лошадей и крупного рогатого скота в два раза больше, чем жители завода. Если у последних в среднем на двор приходилось одна лошадь, чуть более одной головы крупного рогатого скота, полторы головы овец и 0,26 головы свиньи, то в сельском дворе было на одну голову больше лошадей и коров и на три головы овец. На заводе предпочтение отдавалось крупному рогатому скоту: 22% хозяев обходились без лошадей и только 10% без коров. В деревне, наоборот, только 6% из них не имели лошадей и чуть менее 10% коров. Следовательно, жители завода в большей степени ориентировались на развитие мясомолочного животноводства.

Соотношение продовольственных культур (ржи, ярицы, ячменя, пшеницы) с овсом, который в основном шел на корм скоту показывает, что зерновое хозяйство жителей Верхнетуринского завода и его постоянных работников было приспособлено к нуждам другой его отрасли — скотоводству. Причем подобная ориентация в большей мере была свойственна жителям завода (12,79 пудов продовольственных против 16,48 пудов кормовых культур) и в несколько меньшей — постоянным работникам, у которых доли были почти равными — 10,51 к 11,13⁵⁶.

«По последнему исчислению, — писал в 1839 г. автор описания Гороблагодатских заводов (к которым относился и Верхнетуринс-

кий), — рогатого скота содержится жителями до 5000, овец до 5700, лошадей до 4200». В год для 284 лошадей казенных конюшен и на время перевозки угля для 1358 лошадей конных работников требовалось до 65803 пудов овса, дополнительно к этому ежегодно заготавливали 104600 пудов сена. Сенокосы в хозяйстве населения округа продолжали заменять хлебопашество. Ими были заняты обширные пространства. В урожайные годы, при благоприятном летнем времени, здесь заготавливали 2800000 пудов сена. «Из коих, — по расчетам современника, — до 100000 слишком продается жителями в казну, а остальное количество употребляется для продовольствия домашнего скота: некоторая часть его продается и крестьянам разных уездов, собирающимся здесь зимой для работ».

Однако урожай сенокосных трав бывал переменчив. Они гораздо обильнее вырастали на западном склоне Урала. Правда, на всем пространстве Гороблагодатского округа мало встречалось мест луговых, «способнейших для сенокосения», а на восточной стороне Уральского хребта они представляли довольно редкое явление, и заводским жителям оставалось снимать травы на вершинах или на скатах гор, предгорий или при подошве их и в долинах. Дождливое лето питало влагой вершины и скаты гор, а низменности превращало в «почву водянистую, неудобную для сенокосов». Владельцы покосов на возвышенных местах оставались в выигрышном положении, а те из них, которые имели сенокосные участки на низменностях, «лишались средств снимать такое количество трав, какое бы надлежало снять, судя по пространству». Во время знойного лета трава на возвышенных, не защищенных лесом местах высыхала и жители были «принуждены довольствоваться сенокосами при подошвах гор и в долинах»⁵⁷.

Подобные условия диктовали определенные требования к орудиям сенокосения. Путешествуя в 1830-е гг. по Уралу П.И. Мельников заметил, что мастеровые Мотовилихинского завода убирали сено горбушами. «Русские косы, писал он, — здесь зовут литвянками и к этим литвянкам никак не могут приучиться». Горбуши были длиннее косы, но насаживались на короткий, кривой черенок, называемый косником. Уральцы были убеждены, что горбушей сено косится и скорее и чище, что лезвие ее берет траву под самый корень и что «тут ни одна былинка не пропадет». Скошенное сено укладывали не в стога, а в зароды. Зарод делался длинным, «гораздо ниже» стога и скат его был круче, поскольку при крутом скате сено меньше портилось от дождей⁵⁸.

В 1839 г. у жителей расположенного на западном Урале Добрянского завода на 858,5 десятин покосов приходилось всего 19,5 десятин пашни. К 1858 г. фонд сенокосной земли возрос до 999 десятин, а пашенной только до 42. Из 447 рабочих 99 имели лошадей и только 48 не имели коров. Овец и свиней обычно было по 2-4 головы на двор, в 10 хозяйствах обходились даже без кур, в остальных их насчитывалось от 2 до 20, в семи дворах имелись утки и гуси⁵⁹. Из 637939 десятин общей площади Нижнетагильского округа пашня занимала всего 4528 десятин, а сенокосные угодья 47915 десятин⁶⁰. В среднем на ревизскую душу Богословской волости к 1861 г. на четверть десятины сенокосной земли приходилось не более одной восьмой десятины пахотной⁶¹.

В пореформенное время «из побочных заводскому делу хозяйственных ресурсов на первом плане» продолжало оставаться скотоводство, однако и оно несколько сдало свои позиции. В горнозаводских волостях Верхотурского уезда по данным 1880 г. на двор приходилась одна лошадь, 1,2 голов крупного рогатого скота, 1,7 голов овец и 0,1 голов свиней⁶². У рабочих Мотовилихинского завода эти показатели были еще ниже. Здесь в среднем во дворе насчитывалось 0,4 голов лошадей, 0,8 — рогатого скота, 0,5 — овец, 0,09 — свиней и 0,1 — коз⁶³.

В Суксунском заводе транспортная проблема решалась уже не за счет горнозаводского населения, а «крестьян — заводских соседей». Они имели нескольких лошадей, «прилично» их кормили и в летнее время сельскохозяйственными работами не отягощали. В отличие от тягловой силы рогатый скот всю зиму находился на открытом воздухе, «подле овинов», и питался голой соломой. Столь суровые условия содержания приводили к «высшей степени» его истощения весной⁶⁴.

Ориентация на первостепенное развитие животноводческой отрасли наблюдалась в хозяйствах горнозаводского населения на протяжении всей его дореволюционной истории. Она проявлялась как в преобладании сенокосных угодий над пашенными, так и в значительном производстве фуражного зерна, по сравнению с продовольственными зерновыми культурами.

Следующей особенностью горнозаводского населения стало создание своего сельскохозяйственного календаря — «приноравливание» сроков сельскохозяйственных работ к производственным нуждам металлургической отрасли. По штатам Белорецкого завода начала XIX в. в условиях Южного Урала с 1 по 10 мая производили посев

яровых и в период с 29 июня по 16 августа три недели отводили на сенокос и четыре — на «вспарение земли под озимые», сам посев и уборку урожая⁶⁵.

Дровосечные работники Катав-Ивановского завода Белосельской-Белозерской по положению 1820 г. с 1 мая на неделю увольнялись для пашни и посева ярового хлеба, с 15 июля по 1 сентября — для сенокосения и уборки с полей хлеба и для посева озимых. Полусотенные урочники имели времени для сельскохозяйственных работ больше: с 1 мая они получали две недели для вспашки и посева ярового хлеба. Затем им предоставляли «для вспаривания под озимый сев земли и прочего две недели». Для сенокосения всех заводских крестьян «увольняли» от работ на четыре недели. После сенокоса полусотенные работники до 8 сентября (то есть три недели) были заняты уборкой хлеба. Урочным сотенным работникам и судовым крестьянам для посева яровых предоставлялось две недели, для сенокосения — четыре, «для вспаривания под озимое посева и уборки одного урожая хлеба» — тоже четыре недели. В общей сложности они были заняты сельскохозяйственным трудом десять недель, в которые «освобождались от всех заводских работ в удобное к тому время по усмотрению управляющего заводом». «Прочие же заводские крестьяне, находящиеся в непрерывных работах, — было записано в штатах, — освобождаются для сенокосения все вообще на 4 недели, находящиеся при домнах, переменяются посуточно»⁶⁶.

Свободное время для полевой работы в страду предоставлялась в 1830-е гг. и работникам Чермозского завода⁶⁷. Мастерские Гороблагодатского округа увольнялись от работ с 11 июля на 20 дней, исключая праздничные и воскресные. Конные непрерывные работники отпускались на 40 дней, из которых 20 дней они заготавливали сено для казенных лошадей, а в остальные 20 — для домашнего скота. По замечанию наблюдателя, «все» принимались за работу, «в которой помогали жителям жены и семейства»⁶⁸. В начале 1840-х гг. все мастерские Симского и Миньярского заводов в летнее время от одного и до полутора месяцев увольнялись от всех работ для уборки хлеба и на сенокос⁶⁹. В середине XIX в. жители Суксунского округа «для домашнего скота в значительном количестве заготавливали в летний, законом предусмотренный 6-недельный срок на собственных лугах обильное количество сена»⁷⁰.

В пореформенный период данная традиция продолжала существовать и, по наблюдениям В.И. Немировича-Данченко, даже культивироваться заводской администрацией. «Каждый завод дает под

конец лета каникулы своим рабочим на полевую страду, на косьбу и т.д.», — сообщал он, ссылаясь на диалог с заводским служащим. Тот рассказывал заезжему журналисту: «Нанять в это время никого невозможно, даже за тройную цену. Работы приостанавливаются». «И заводы не стараются вывести это обыкновение?» — продолжал расспрашивать Немирович-Данченко. «Напротив, оно в их интересах. Потому что для них жизненный вопрос — местная конная сила, а за время страды население именно и косит сено на зиму, снимает овес и ячмень с полей. Здесь даже покровительствуют этой страде». — объяснили ему. В его «Очерках...» приведен ряд конкретных примеров «отпускной» страды. Всем рабочим Луньевской копи с 8 июля по 8 августа предоставлялся льготный месяц на сенокос. Житель Чермозского завода имел уже два льготных месяца, когда он косил траву и жал хлеб. Почти месяц каждое заводоуправление Нижнетагильского округа планировало для увольнения на время сенокоса и полевых работ⁷¹.

В пореформенное время в связи с закрытием предприятий и перепрофилированием населения на занятие сельским хозяйством режим работ претерпел изменения. Врач Н.Л. Золотавин привел годовой распорядок жителей упраздненного Рождественского завода, который в просторечье называли Ножовкой. В январе мужчины были заняты возкой дров, сена, леса, молотьбой, в феврале — возили тес, в марте — лес, снег в погреб, продолжали молотить хлеб, в апреле — «строились», рубили деревья, ремонтировали сельскохозяйственные орудия, а в конце месяца — начинали пахать, в мае пахали огороды, раскидывали навоз, сеяли, пахали, шли «в отход», в июне кончали пахоту, сеяли репу, боронили пар, готовились к сенокосу; в июле начинались сенокос, жатва, перепаживание пара, рожь складывали в клади, в августе — перепаживали пар, сеяли рожь, жали яровые и убирали их в клади, в сентябре происходила уборка полей, огораживание скирд, вывоз навоза, в октябре продолжали вывозить навоз, начинали молотить, в ноябре — продолжалась молотьба, в декабре — начинали возку леса.

Женщины в январе-феврале принимали участие в молотьбе, пряли лен, в марте мыли катушки, начинали ткать, а ближе к Пасхе занимались шитьем, в апреле ткали, сеяли капусту, в мае продолжали ткать, делали гряды, стригли овец, в июне ткали, копали огород, садили капусту, в июле принимали участие в сенокосе, жатве, занимались уборкой сена, в августе рвали лен, околачивали его на семя, стелили прошлогодний лен, стригли овец, «убирались» в огородах, в

сентябре продолжали стричь овец, снимали лен, сушили его, мяли, трепали и чесали, в октябре-ноябре продолжали чесать лен, пряли, ткали, вязали, в декабре также пряли, шили и стригли овец⁷².

Говоря о земледелии уральских рабочих, следует акцентировать внимание не на хлебопашестве как таковом, а на его сочетании (например, как это было в заводах Красноуфимского уезда) с огородничеством⁷³, которым население занималось в гораздо большей степени. Южнее, например в Симском и Миньярском заводах, климат способствовал не только «произрастанию всех огородных овощей», но и бахчеводству — заводчане выращивали арбузы и дыни⁷⁴. Однако в Авзяно-Петровском заводе разводили овощи «с великою нуждою», поскольку его жители «безотлучно» находились «в заводских работах»⁷⁵.

Традиционно овощеводство было развито в западной части края. В середине XIX в. жители Лысьвенского завода занимались «огородничеством очень усердно»⁷⁶. В Нижнетагильском округе оно находилось «в весьма удовлетворительном состоянии». За исключением огурцов, которые «бывали только в теплицах и парниках», остальные овощи здесь вызревали на грядках. Лишь у населения расположенных в более суровом климате Висимо-Шайтанского и Висимо-Уткинского заводов они «не успевали созревать»⁷⁷. Ближе к Невьянскому заводу выращивали даже подсолнухи, однако большого значения этому не придавали, считая «баловством»⁷⁸.

В заводских поселках Екатеринбургского уезда «всякий житель имел при своем доме для овощу огород»⁷⁹. К этому времени овощеводство проникло даже на север Урала. «Назад тому лет сорок в Кушвинском заводе вообще огородов не было и говорили, что ничего в Кушве не родится», — писал в ответе на анкету РГО 1849 г. священник Михаил Суворов⁸⁰. Начальник Кушвинского горного округа Николай Родионович Мамышев «возбудил в кушвинских женщинах охоту к огородничеству» и тогда, по словам корреспондента РГО, «оказалось, что в Кушве многое родится». Залогом успеха стало персональное вмешательство управляющего в хозяйственный быт рабочих: «Он сам лично обозревал домохозяйство; указывал способы и средства улучшать огороды, разводить овощь и употреблять оную с лучшею пользой». Для мобилизации населения также использовались методы «кнути и пряника»: «прилежных» хозяек администрация награждала сарафанами, платками, а «нерадивых» посылало на казенную работу. Принудительные меры «заставили женщин заняться огородничеством». Следующим этапом внедрения

новшества стало «привыкание» к нему — «мало-помалу приобькли к огородным трудам», а потом заработал фактор полезности — жители «узнали и выгоды» разведения овощей: сотню вилок капусты в середине XIX в. можно было реализовать за 1-2 рубля, а пуд картофеля — за 15-30 копеек серебром. В это время «затяя» начальства стала делом престижа кушвинских жительниц. По замечанию М. Суворова, «ныне без всяких побуждений женщины-хозяйки одна перед другой ревнуют об улучшении огородов», которые существовали «при каждом доме». Приемы разведения овощей были «приноровлены» к северному климату. «Во всю зиму, — описывал огородные приемы кушвинцев корреспондент РГО, — хозяйка кидает в огород назем, скопившийся от коровы или лошади, если она есть; весною скопавши и сделавши гряды, сажают лук, картофель, репу, редьку, капусту, морковь, свеклу, сахарный горох, простые бобы, нередко огурцы и тыквы». Лучше других в суровых условиях «разводились» капуста и картофель. Их посадки занимали значительные площади еще и потому, что «в домашнем быту» эти овощи были «более употребительны» и можно было «иметь лучший на них сбыт при избытке». В дальнейшем огородничество распространилось по всему Кушвинскому округу. Так, в селении Туринские рудники «жители имели при своих домах огороды, которые и засаживали овощем»⁸¹. «Самые обыкновенные огородные овощи, как-то: морковь, горох, бобы и прочие, родятся здесь в изобилии, — сообщалось в описании конца 1830-х гг., — так же, как и картофель, составляющий главнейшую пищу жителей; капуста не везде изобильна, а домашние огурцы составляют редкий плод в Гороблагодатских заводах, вырастая только в парниках и теплицах»⁸².

Возделывание овощей проникло даже на самые северные Богословские заводы и к середине XIX в. превратилось там в главное занятие. При возделывании гряд употребляли следующие орудия: лопату, кайло, куштан (редко соху)⁸³. Правда, получали лишь «грубые овощи» и «только удобнием» (удобрением), да и те из-за суровых климатических условий не всегда «достигали полного развития»⁸⁴. «Все, что можно доверить этой почве, от чего можно ожидать еще плода, писал в 1855 г. М. Блинов, — это картофель, свекла, морковь и репа. Даже капуста не может быть здесь разводимая и жители часто получают ее из Нижнетагильского завода»⁸⁵.

Разведение плодово-ягодных культур, возможное на большей части территории горнозаводского Урала, не получило здесь широкого распространения. В середине XIX в. сообщали, что жители Суксунского

завода выращивали капусту, картофель, свеклу, морковь, огурцы, бобы, горох, а садоводства у них не было⁸⁶.

Как в свое время горнозаводское производство породило значительный отход среди сельскохозяйственного населения, так в пореформенные годы земледельческие работы превратились в промысел горнозаводских жителей. «Сборник Пермского земства» в 1877 г. сообщал: «В Алтыновской волости жатва выполняется татарами разных местностей и заводскими рабочими, в Златоустовской — рабочими с заводов Суксунского и Тисовского... в Утинской на жатве используют жителей Сылвенского, Молебского, Бисертского и других заводов»⁸⁷.

Занятие сельским хозяйством оказало на горнозаводское население значительное и разнообразное влияние. Оно благотворно сказывалось на их материально-бытовом положении. Еще Фредерик Ле Пле заметил, что смешанная (денежно-натуральная) форма доходов уральских рабочих, которые они получали от промышленных и сельскохозяйственных занятий, позволяла им поддерживать более высокий уровень жизни. Для марксистской историографии было непререкаемой истиной, что связь рабочего с землей определяла его классовое самосознание. У рабочих с наделом, к которым относили и уральских горнорабочих, оно было заведомо ниже, чем у пролетариата. Следовательно, сельскохозяйственные занятия оказывали влияние не только на быт, но и на общественное сознание горнозаводского населения.

В разные годы и в различных местностях к тем или иным сельскохозяйственным занятиям обращалось значительное количество горнозаводских жителей. Их поведение подтверждает выводы, полученные при изучении крестьянства Урала (особенно приписного). В условиях края крупные контингенты этих социальных категорий наряду с сельскохозяйственным занимались промышленным трудом. Возникли смешанные типы занятости: сельскохозяйственно-промышленный, промышленно-сельскохозяйственный. В конкретных случаях соотношение компонентов варьировалось достаточно широко. Поскольку истоки этого явления возникли до «заводского» периода — занятие уральских крестьян несельскохозяйственными промыслами было давней традицией, то его существование следует признать продуктом длительной эволюции. Это означало выполнение им определенных функций. Применительно к модели регионального развития оно может быть признано адаптивной реакцией широко спектра действия, поскольку позволяло приспособиться не только к климатическим и природным, а также к экономическим и прочим условиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мисюров А.А. Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири. Новосибирск, 1949. С. 104.
2. Голикова С.В. Хозяйство уральских крестьян, занятых в заводских работах // Крестьяне на заводах. Урал и Западная Сибирь XVIII — первой половины XIX в. Екатеринбург, 1996. С. 18.
3. Мукомолов А.Ф. На южноуральских заводах. М., 2001. Кн. 1. С. 329, 332; Кн. 2. С. 56, 198, 209-210.
4. Вагина П.А. Материально-бытовое положение мастеровых и рабочих людей Южного Урала во второй половине XVIII века // Вопросы истории Урала. Вып.4. Свердловск, 1963. С. 13-17.
5. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб, 1903. Т.1. С. 511.
6. Описание заводов хребта Уральского, составленное пермским берг-инспектором П.Е. Томиловым (1807-1809 гг.) // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII-XIX вв. Свердловск, 1956. С. 147 —298.
7. ГАСО. Ф. 24. Д. 1112. Л. 24 об.
8. Мукомолов А.Ф. На южноуральских заводах. Кн. 2. С. 259-260.
9. Купфер А. Путешествие на Урал, предпринятое в 1828 г. // Уральская старина: литературно-краеведческие записки. Вып. 4. Екатеринбург, 2000. С. 107-108.
10. Там же. С. 106.
11. Описание Гороблагодатских заводов // ГЖ. 1839. Ч. 1. Кн. 1. С. 70-72, 76-78.
12. Голикова С.В. Хозяйство уральских крестьян... С. 27-28.
13. Описание Гороблагодатских заводов. С. 78, 89.
14. Мельников П. И. (Печерский) Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. 1841. Т. 15. Отд. 7. № 3. С. 8. № 4. С. 76; 1842. Т. 20. Отд. 8. № 2. С. 57.
15. Киселевская С. Добрянский завод // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Л., 1932. Т. 2. С. 96.
16. Блинов М. Историко-статистическое известие о Камско-Воткинском заводе и тамошних вотяках // ЖМВД. 1855. № 3. Отд. 3. С. 36.
17. Описание Лысьвенского завода, составленное учителем Шалаевым. // Уч. записки, издаваемые Казанским ун-том. Кн. 4. Казань. 1858. С. 146 —147.
18. ГАСО. Ф.101.Оп.1.Д.589.Л.14-15,34.
19. Демидовские заводы в описаниях Н.К. Чупина // Уральская старина: литературно-краеведческие записки. Вып. 3. Екатеринбург, 1997. С. 210.
20. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 2.
21. Демидовские заводы в описаниях... С. 242.
22. Неклюдов Е.Г. Подсобное хозяйство горнозаводских рабочих Урала в предреформенный период // Социально-экономическое положение кадров горнозаводской промышленности в дореформенный период. Свердловск, 1989. С. 46-48.

23. Демидовские заводы в описания... С. 212.
24. Неклюдов Е.Г. Подсобное хозяйство... С. 46-48.
25. Описание заводов Симского и Миньярского Г. Поручика Мевюса // ГЖ, 1843. Ч. 1. Кн. 3. С. 342.
26. Ремезов Н.В. Заводские люди и их земли // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа. 1971. С. 237-238, 248-252.
27. Попов Р. Горнозаводский Урал // Отечественные записки. 1874. № 12. С. 363.
28. Там же. С.347.
29. Там же. С. 346.
30. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб, 1880. С. 32.
31. Чернавский Н. Село Долговское Челябинского уезда (Историко-статистический очерк) // ОЕВ. 1901. № 14. С. 524-525.
32. Гладких А.Н. Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговижского Красноуфимского уезда Пермской губернии // Труды ПГУАК. Вып. 10. Пермь, 1913. С. 6.
33. Овсянников Н.Н. Вотчинное хозяйство на Урале // Русская мысль, 1883. № 6. Отд. X. С. 6.
34. Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал. Т. 2. СПб., 1904. С. 85, 104, 347.
35. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 589. Л. 34.
36. Рума Р. Материалы для санитарного описания Мотовилихинского сталепушечного завода и влияния его работ на здоровье рабочих // Сборник работ Пермской земской санитарной станции. Пермь, 1891. Вып. 2. С. 37-38.
37. Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861-1900. (Численность, состав, положение.) М., 1985. С. 138-139.
38. Красноперов Е.И. Очерки экономического быта Дедюхинского заводского населения по данным посемейной переписи. Пермь, 1886. С. 23.
39. Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал. Т. 2. С. 45-46, 192-193, 366.
40. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 14. Л. 4 об.
41. Блинов М. Историко-статистический очерк Богословских заводов // ЖВМД. 1855. № 9. Отд. 3. С. 50, 61-62.
42. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 27 об.
43. Малиев Н. Отчет о вогульской экспедиции // Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань, 1872. Т. III. № 2. С. 13.
44. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 125 об., 193 об. — 194, 201.
45. Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. 1861 — 1904. Сборник документов. М.-Л., 1960. С. 283.
46. Скалозубов Н.Л. Народный календарь. Праздники, дни святых, особо-чтимых народом, поверья, приметы о погоде, обычаи и сроки сельскохозяйственных работ // Приложение к памятной книжке Пермской губернии на 1894 год. Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Вып. V. Пермь, 1893. С. 10.

47. Лазарев А. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972. С. 31.
48. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 690. Л. 4 об. — 8 об.
49. Расчеты автора по данным: Описания заводов...
50. Черкасова А.С. О роли сельского хозяйства в промыслах населения горнозаводских центров Урала в XVIII в. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С.33-34.
51. Она же. Состав населения Нижнего Тагила в середине XVIII в. // Вопросы истории Урала. Вып. 39. Ч. 1. Свердловск, 1961. С. 38-39.
52. Вагина П.А. К изучению проблемы материально-бытового положения и социального протеста заводского населения Урала в последней четверти XVIII в. // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917-1967. Вып. 1. История СССР. Свердловск, 1967. С. 53.
53. Она же. Материально-бытовое положение... С. 13-17.
54. Мукомолов А.Ф. На южноуральских заводах. Кн. 2. С. 210, 260-261.
55. ГАСО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 336. Л. 15.
56. Голикова С.В. Хозяйство уральских крестьян... С. 26-28.
57. Описание Гороблагодатских заводов. С. 89-92, 98, 103.
58. Мельников П. И. (Печерский) Дорожные записки... 1840. № 4. Т. 9. Отд. 7. С. 43.
59. Киселевская С. Добрянский завод. С. 96.
60. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 1 об.
61. Там же. Д. 623. Л. 143.
62. Красноперов Е.И. Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии. Вып. III Верхотурский уезд. Пермь, 1880. С. 37.
63. Рума Р. Материалы для санитарного... С. 35.
64. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 589. Л. 34-36.
65. Там же. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1112. Л. 21 об. — 25 об.
66. РГИА. Ф. 37. Д. 128. Л. 693-703.
67. Мельников П. И. (Печерский) Дорожные записки... 1841. № 4. Т. 15. Отд. 7. С. 76.
68. Блинов М. Историко-статистический очерк... С. 89-90.
69. Описание заводов Симского... С. 347.
70. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 589. Л. 36.
71. Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал. Т. 2. С. 104, 230, 347, 408.
72. Золотавин Н.Л. Заболеваемость в связи с климатическими и бытовыми условиями жизни населения. СПб, 1898. С. 42-43.
73. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
74. Описание заводов Симского... С. 342.
75. Семевский В.И. Крестьяне в царствование... С. 511.
76. Описание Лысьвенского завода... С. 146.
77. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 4.
78. Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал. Т. 2. С. 348.
79. Неклюдов Е.Г. Подсобное хозяйство... С. 42.
80. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 17. Л. 9-9 об.
81. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 31.
82. Описание Гороблагодатских заводов. С. 79.